Декабрист

Н. А. БЕСТУЖЕВ

ДНЕВНИК
ПУТЕШЕСТВИЯ ОТ ЧИТЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

МАРКА АЗАДОВСКОГО

Труды Пушкинского Дома Академии Наук СССР

ЛЕНИНГРАД
1926

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед нами своеобразное художественное произведение, четкий памятник литературных вкусов и увлечений декабристов. Автор сумел придать своему дневнику некоторый поэтический налет, некоторый романтический оттенок». Дневник Н. Бестужева носит уже следы определенной литературной обработки.

- Н. А. БЕСТУЖЕВ
  -
  - Н. А. Бестужев
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

Н. А. БЕСТУЖЕВ
ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ОТ ЧИТЫ

Текст публикуемого здесь «Дневника» Н. А. Бестужева воспроизводится по авторскому беловому списку, принадлежавшему ранее М. И. Семевскому и ныне хранящемуся в Пушкинском Доме при Академии Наук. Он примыкает к той обширной литературе, которая была вызвана знаменитым переходом из Читы в петровский Завод. Как известно, этот переход был одним из крупнейших, событий Сибирской жизни декабристов, и нет почти мемуаров, в которых не отразились бы, с большей или меньшей полнотой впечатления этого перехода или «похода», как говорили некоторые декабристы. Таковы воспоминания П. Е. Анненковой, М. Н. Волконской, Н. В. Басаргина, А. П. Беляева, Н. И. Лорера, А. Е. Розена, И. Д. Якушкина, В. П. Штейнгеля и др.

Наиболее ценным среди этой литературы следует признать недавно опубликованный Б. Л. Модзалевским «Дневник» В. И. Штейнгеля[1]. Как ни как, но на всех мемуарах всегда лежит печать некоторой ретроспективности. В позднем рассказе невольно сглаживается многое, бывшее чрезмерно острым в свое время, стушевываются мелкие, но яркие штрихи и детали и, наоборот, приобретает значение чего-то важного и необычайно существенного то, что казалось мелким и незначительным в момент непосредственного переживания.

Поденная запись Штейнгеля потому то и является таким ценным приобретением, что дает возможность ознакомиться с непосредственными впечатлениями и переживаниями декабристов в момент самого перехода. Вместе с тем вырисовывается ряд тонких мелочей быта, оставшихся незамеченными или забытыми позднейшими мемуаристами. В кратких, но содержательных записях Штейнгеля, по слову Б. Л. Модзалевского, «встает, как живая, картина длинного, многолюдного, оживленного и кипучего каравана переселенцев…»

То же можно сказать и о дневнике Н. А. Бестужева. С его страниц веет обаяние той же непосредственной свежести восприятия; читая его, как-то улавливаешь тот дух бодрости и ту силу духа, которые были так характерны для декабристов в казематскую эпоху. Особенно характерна в этом отношении

запись от 11 августа: «… но мы люди мастеровые…» и т. д. Живости описания содействует и то, что автор был вместе с тем и художником-живописцем. Одна за другой ярко зачерчиваются разнообразные и живописные сцены. Ясное небо, ярко горят звезды, пылают костры, около них собираются причудливые группы, смешанный говор, освещенные юрты и т. д. — и над всем этим веет радостное восхищение узника, поставленного, наконец, лицом к лицу с природою. Огромно значение этого дневника и в биографическом смысле. Особый интерес имеют упоминания о встрече с бурятами, о составленном Н. Бестужевым уже в то время словарике, о первых опытах записывания бурятских сказок и песен и т. п.

Следует отметить и подчеркнуть одну любопытную и важную особенность. Дневник Н. Бестужева не только по характеру и значению своему близок к аналогичному дневнику Штейнгеля — он близок и по содержанию. Местами эта близость переходит в тожество. Есть целый ряд записей, с буквальной точностью воспроизводящих записи Штейнгеля. Очевидно, во время самого перехода, Николай Бестужев дневника не вел или ограничивался только некоторыми заметками, в качестве важнейших вех для будущего воспроизведения, как это часто бывает при такого рода записях. В Петровске же он, на основе записей Штейнгеля, восстановил картину пути, добавив к ним целый ряд фактических подробностей, а также придав им определенную литературную форму. Заметки Штейнгеля, при этом, он иногда, как уже сказано, приводит дословно, иногда пересказывает их с большей или меньшей близостью к подлиннику. То, что дневник Бестужева зависит от дневника Штейнгеля (а не наоборот) показывает точное воспроизведение различных цифровых данных, которые в таком изобилии приводит Штейнгель (количество верст, дворов и т. п.). Особенно показательна следующая запись: «12-е. Переход до станции Ширихонской (вер., 23 двора)». Точно такую же запись: без указания количества верст находим в соответственном месте и у Штейнгеля. Таким образом, восстанавливается, до некоторой степени, процесс создавания этого дневника: Н. Бестужев писал его по Штейнгелевской канве.

Это позволяет вскрыть и другую сторону путевых записок Н. Бестужева. Они имеют значение не только лишнего биографического документа из Сибирского периода. Перед нами своеобразное художественное произведение, четкий памятник литературных вкусов и увлечений декабристов. Б. Л. Модзалевский заметил по поводу Штейнгеля, что он «сумел придать своему дневнику некоторый поэтический налет, некоторый романтический оттенок». Дневник Н. Бестужева носит

уже следы определенной литературной обработки.

В литературе о декабристах уже обращалось внимание на книжное восприятие ими многих явлений жизни. По литературным образцам представляли они и будущую революцию, и свою роль в ней. Одним из таких образцов для многих декабристов — для Н. Бестужева особенно — был Стерн. Стерн играл значительную роль в его жизни. Путешествие Стерна было единственной книгой у него в крепости, — книгой, которая, быть-может, спасла его от потери рассудка; со Стерном он, по собственному его признанию, не расставался во всю жизнь. Стерновским влиянием определяется и литературное творчество Ник. Бестужева. В Стерновских тонах и с обильными Стерновскими реминисценциями построено и его наиболее значительное, автобиографическое произведение: «Отчего я не женат»[2].

Своеобразным откликом Стерну является и этот дневник. В этом отношении особенно характерна запись от 14 августа: о тех настроениях, с которыми берется он за книжку Скриба. «Душа и сердце мое были настроены к поэзии. Прекрасные картины природы, беспременно сменяющие одни других, новые лица, новая природа, новые звуки языка — тень свободы хотя бы для одних взоров…» и т. д. В том же духе лирическая концовка, которой обрывает он свои записки. «Спокойной ночи вам, звезды, луна и все красоты дикой природы!..» Едва ли будет ошибкой отнести и этот дневник к группе чувствительных путешествий, которыми так богата русская литература конца XVIII и начала XIX века. Как ни были своеобразны и обстановка, и условия пути, впечатления неизменно отливались в готовую литературную Форму.

Дух XVIII века чувствуется и в строках, посвященных встрече с бурятами. Это еще то умиленно-восторженное отношение к «диким племенам», которому учили Руссо и руссоисты. Позже Н. Бестужев сумеет иначе подойти к жизни этих племен и даст вдумчивые и глубокие очерки о быте, Фольклоре и хозяйстве бурятской народности[3].

Н. А. Бестужев
ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ НАШЕГО ИЗ ЧИТЫ [4]
1830

Чита. Мы разделены были на две партии; первая должна была идти под начальством плац-майора, а вторая под личным надзором самого коменданта[5]. Все мы разделились *по юртам*, т. е. по пяткам, число людей, могущее вместиться в юрте; я был в пятке с братом, Торсоном, Розеном и Громницким[6]. На каждых двух человек назначалась подвода для поклажи скарбу под предлогом *хворым*, а т. п. разрешили иметь свои повозки. — Мы просились во вторую партию.

Августа 7. Поутру в ненастную погоду выступила первая партия. — Все остальные наши товарищи из прочих 2-х казематов были переведены к нам, в большой каземат.

9-го. Поутру в 9-м часу выступили и мы. Взвод солдат впереди и сзади, по бокам цепь солдат и конных казаков окружали нас. Народ толпился у ворот каземата. — Все плакали, прощаясь с нами и наделяли желаниями на дорогу[7]. — Я решился идти пешком, не смотря на дождь и слякоть, которые, как казалось, в самом начале хотели испытать мою решительность[8]. — Комендант нас обогнал, чтобы переправить через Читу, до коей 4 версты. — Я любовался проворством ловких бурят, переправлявших нас. — Дождь не переставал. — Холодно. Переправясь, мы пошли скоро.

Чита скрылась, мы вышли на Ингоду, оставив за собой вправе Кинонское озеро. Прекрасные виды!

Остановились в юртах при деревне Черной. — Для нас назначалось 7 юрт, 8-я для офицера. Для коменданта поодаль[9] — еще для караульных солдат. Етот трудной переход в такую погоду нас измучил — все думали только о спокойствии — я тоже — даже забыл полюбоваться природою, на которую я в первой раз мог взглянуть не через железные решетки тюрьмы. — Но впрочем и не на что было любоваться. Природа была угрюма. Я спал как мертвой.

10-е. Переход до станции Домно-Ключевской (20 верст, 13 дворов). Близ самого станка встретили нас буряты, посланные тайшею и перевозили на лошадях через топкое место. — Везде мостки, пастилки. Какая заботливость, чтоб мы не промочили ножки. Это было для нас забавно[10].

11 числа. Дневка, дождь, — скука и досада, что нельзя полюбоваться видами. — Юрты наши; промокают. — Но мы — все люди мастеровые — мы кое-как нашли средство избавиться беспокойств на ночь. — В других юртах были смешные сцены. — Редкой проспал *без омовения.*

11-е. Дневка. Дождь — в юртах сыро и холодно. — Доброй Смолянинов приходил прощаться с нами. Три предмета только заставляют меня жалеть о Чите: живописные окрестности, прекрасный климат и доброй Смолянинов[11]! О климате я говорю сравнительно с Петровским.

12-е. Переход до станции Ширихонской (верст 23 двора). Чертовские дороги! — По колено в грязи, по камням в проливной дождь, мы переходили Яблоновой хребет. На самой вершине у креста мы сделали привал. Спустившись с хребта — дождь перестал. Получили газеты.

13-е. Переход до деревни и станции Шакшинской (15½ верст 6 юрт). Погода переставала хмуриться. Но дорога — одна грязь. Любовался Шакшинским озером. — Юрты нашли на сыром месте. — Но зато вечер нам улыбнулся[12]. — Какая ночь!

14-е. Дневка. В таком походе трудно читать что-либо сурьезное. Усталость, сон и беспрестанное развлечение не слишком хорошие союзники головным занятиям — и потому я взял *Скриба.* И в самом деле, я не мог выбрать лучшей книги в подобных обстоятельствах. — Душа и сердце мое были настроены к поэзии. Прекрасные картины природы, беспременно сменяющие одни других, новые лица, новая природа, новые звуки языка, — тень свободы хотя для одних взоров. Ночи совершенно театральные, на ночлегах наших все, все увеличивало удовольствие чтения его милого, цветистого, разнообразного картинами театра.

Шум и развлечение меня окружающими придавало большие прелести чтению. Я думал, что я в театре.

15-е. Переход до станции Кондинской (32 версты 15 юрт). Сильной, холодной ветер, но мы сделали переход весьма коро с одним привалом. — В левой руке у нас осталось озеро Иргень, но мы его не видели. — Легли опять при дожде[13].

16-е. Дневка. Что за доброй народ эти буряты[14]! — Я бóльшую часть времени провожу с ними в распросах и разговорах. Некоторые хорошо говорят по русски, с другими я кое-как объясняюсь помощию составленного мною словаря. Это их удивляет. — Они мне рассказывали свои сказки, две или три я списал при помощи переводчика, но потерял — жалко. Там было много оригинального китайского остроумия — монгольских сказок почти совсем нет. — Песни их ужасно глупы. — Как мы

забавлялись их удивлением, с которым они смотрели на нас! — Им так много натолковали про нас их заседатели, исправники и тайши (которые, в свою очередь, тоже бог знает какое имели о нас понятие), такие строгие отдавали приказания, что бедные эти мартышки в человеческом образе воображали нас с хвостами и крыльями подобно драконам (это их собственные слова) и каждую минуту думали, что мы улетим в *хахирхай.* — Как забавно было видеть их изумление, не видя в нас ни змей, ни чертей, а веселых и добрых малых, которые их кормили и поили до *отвалу*, смеялись с ними, шутили и даже говорили по ихнему. — Бедные! — Приди мы несколько позже и может быть половина из них перемерли бы с голоду. — Боясь опоздать, местное начальство распорядилось юртами почти за целой месяц и эти несчастные за 200 и 400 верст брели высланные без куска хлеба, и из страху, чтоб они не разбежались, их не пускали шагу от юрт. — O tempores!.. [sic]

17-е. [Переход] до станции Вершиноудинской (32 версты 15 юрт). Выступили в 7 часов: дорога трудная, грязная, но не смотря на все это шли скоро и в 3 часа были уже на месте. — С половины дороги пошел дождь — я измок и прозяб. — В юртах в первый раз разложили огни[15]. — Мы тотчас устроили из дерна особливую печку для того, чтобы дым не расходясь по юрте выносило в *хахирхай* (круглая дыра сверху юрты). У нас все было славно устроено. — Дорожной погребец, где было помещено все нужное; складной стол, такие же стулья, койки и прочие вещи в минуту были собраны и мы располагались в юрте, как нельзя покойнее.

Наш хозяин Розен кормил нас не роскошно, но славно. С ним мы только на дневках проводили около суток, в прочие дни он раздавал обед, тот же час отправлялся вперед, для того, чтобы на другой день, к прибытию нашему в юрты, приготовить обед.

18-е. Газеты: Известие о смерти английского короля и о Севастопольском бунте. —

Очаровательной вечер[16]! Ясное небо! Звезды горят ярко — кругом мрак. Окрест нашего стана пылают костры, около которых собираются разнообразные группы. В ярком пламени рисуются различные фигуры в различных положениях. Близкия деревья освещены подобно театральным декорациям; смешанный говор, ряд освещенных юрт, где мы видим одушевленные картины, и каждая из них носит на себе — особой отпечаток, бальзамической воздух — всё, всё очаровательно! — Очаровательны даже и не для узника, которому после тюрьмы и затворов, без сомнения, прелестен божий мир.

Восхождение Марса — Кюхельбекер принимает его за Венеру. — Смех. Шутки. — Он потерялся и в замешательстве чуть

не сожег юрты.

19-е. Переход до зимовья Домнинского (21 верста, 8 юрт). День прекрасный; дорога хороша; в час по полудни мы уже были на месте. Что за ночь! — Право бы не ложился спать. Но что делать — я не ангел, хочется и покушать, и поспать. — Пойду — перед сном *Dans la variety* посмотрю на шутливого *Скриба*. Спокойной ночи вам, звезды, луна и все красоты дикой природы! [17]

notes

Примечания

1

Декабристы. Неизданные материалы и статьи, под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана — Труды Пушк. Дома при Акад. Наук, М. 1925 г., стр. 128–148.

2

Подробнее об этом — в нашей статье «Стерн в восприятиях декабристов» Сб. «Бунт Декабристов», Лгр. 1925 г., а также П. Е. Щеголев: П. Г. Каховский П. 1921 г.; В. И. Маслов. Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII и начала XIX века — Ист.-лит. Сб., посвященный В. И. Срезневскому, Лгр. 1924 г.

3

Об этнографических занятиях Н. А. Бестужева и его трудах, посвященных бурятской народности, см. М. Азадовский: Н. Бестужев — этнограф — в Сиб. Жив. Старине, III–IV, Ирк. 1925 г.; Вл. Вирченко, Литература о декабристах — Жизнь Бурятии, 1925 г., I–II.

Разрядкой отмечаем те места, которые являются буквальным воспроизведением записи Штейнгеля.

5

У Штейнгеля записано так: «По предварительному распоряжению мы расписаны были на две партии, из коих первая должна идти под начальством плац-майора, а вторая с самим комендантом».

Комендант — Станислав Осипович Лепарский; плац-майор, племянник его — Осип Адамович Лепарский.

6

Брат — Михаил Александрович Бестужев, автор известных Воспоминаний; остальные — Константин Петрович Торсон, б. моряк, — ближайший друг Бестужевых, вместе с ними впоследствии живший на поселении в Селенгинске. Андрей Евгеньевич Розен, автор «Записок». Он был хозяином этой партии и все время шел впереди, как сообщает об этом в своем дневнике Штейнгель. Петр Федорович Громницкий, член О-ва Соединенных Славян.

7

Далее в записи Штейнгеля: «Взвод солдат в авангарде, другой в ариергарде, конвойные по сторонам, — все с примкнутыми штыками и, сверх того, несколько конных казаков с пиками; мы в середине, около своих возов. Народ толпится около ворот. Служившие у нас прощались и плакали».

8

О решении идти пешком упоминает и Штейнгель. «Не смотря на дождь и грязь, почти все шли пешком. Я предположил выпить чашу, не проронив ни капли».

9

Сравнительно с записью Штейнгеля — допущены только некоторые стилистические изменения в первом абзаце.

10

Последняя Фраза у Штейнгеля — в таком виде: «Везде мостки: видна заботливость, чтобы не подмочило ног! Это нас забавляло».

11

Семен Иванович Смольянинов — горный начальник Нерчинских заводов. Семейство Смоляниновых оказывало много услуг декабристам в Чите. Наиболее полно и подробно об эхом рассказывают в своих мемуарах — П. Е. Анненкова и Дм. Ир. Завалишин. Дочь Смольяниновых — Апполинария в это время была уже невестой Завалишина. Брак их состоялся по выходе Завалишина на поселение — в 1839 году.

12

В записи Штейнгеля: «Погода — порядочная, но дорога очень грязная. Любовались видом Шакшинского озера. Юрты свои нашли на сыром месте, но зато небо прояснилось, и ночь была прекрасная».

13

При упоминании озера Иргень, у Штейнгеля добавлено: «куда весною из Читы и других мест ходят с образом. Есть предание, что тут находятся мощи мучеников».

О встрече с бурятами упоминают также Розен и Якушкин.

15

У Штейнгеля: «несмотря на трудную, грязную дорогу и дождь, с половины пошедший, в 4-м часу пришли на место. Я очень устал и прозяб, но в юрте в первый раз разложили огонь — и я отогрелся».

16

У Штейнгеля — «Прекрасный вечер» — и сразу после этого следует рассказ о Кюхельбекере (Михаиле Карловиче), принявшем Марс за Венеру.

Смерть английского короля — Георга IV; «Севастопольский бунт — «чумной» бунт 31 мая — 3 июля 1830 г. Подробности о нем «Русск. Арх.», 1867 г. стр. 1375–1384 (по указанию Б. Л. Модзалевского в Сб. «Декабристы». стр. 137)

17

Этим заканчивается запись Ник. Ал. Бестужева — у Штейнгеля дневник доведен до 23 сентября, — дня вступления в Петровский завод.